

Гончаров – цензор симбирян

На протяжении почти тридцати лет писатель И.А. Гончаров совмещал литературные занятия со службой в государственных учреждениях. Быть чиновником Гончарова побуждала житейская необходимость: писательство, с учётом особенностей его таланта, не приносило постоянного и достаточного дохода. Из этих тридцати лет без малого десять он отдал цензорской службе. С 1 марта 1856 года по февраль 1860-го служил цензором в Петербургском цензурном комитете; с 21 июня 1863 года по 29 декабря 1867-го был членом Совета министра внутренних дел по делам книгопечатания.

И.А. Гончаров. 1862

Из видных русских литераторов, которым довелось в своё время служить в цензурном ведомстве (а это С.Т. Аксаков, А.Н. Майков, И.И. Лажечников, Ф.И. Тютчев), никто не приобрёл на этом поприще столь громкой и подчас столь нелестной славы, как И.А. Гончаров.

Сам Гончаров в одном из писем так охарактеризовал свою цензорскую должность: «...с тремя тысячами жалования и 10 000 хлопот». Исследователи подсчитали: будучи цензором, Гончаров за четыре года процензуровал 49 106 рукописных и 4 548 печатных листов. При этом он не просто читал, а на многие спорные произведения составлял подробные аналитические отчёты.

Уже первые биографы писателя М. Суперанский, А. Мазон, Е. Ляцкий стали извлекать из архивов и публиковать документы, относящиеся к его цензорской деятельности. Отношение первых биографов Гончарова к этим документам сформулировал А. Мазон, который в гончаровских рапортах, отзывах и отчётах увидел момент чрезвычайно важный и многое сулящий исследователю: «И в таких бумагах, от которых веет какой-то канцелярской скукой, – заключал он, – возможно отыскать отражение умственной и нравственной личности Гончарова».

Но разобрать, изучить и осмыслить весь колоссальный архив цензорской деятельности Гончарова не смогли ни

его первые биографы, ни исследователи последующих поколений.

Буквально до последнего времени существовало два взгляда в оценке цензорства И.А. Гончарова.

В советский период в исследованиях, посвящённых деятельности журналов «Современник» и «Русское слово» и запрещению этих журналов, давалась резко отрицательная характеристика цензуре Гончарова.

В то же время многие гончароведы отмечали энергичные и последовательные действия Гончарова, когда речь шла о судьбе выдающихся художественных явлений, не умещавшихся под сводами цензурных законов. Гончаров настаивал на разрешении в печать всего VII тома «Сочинений А.С. Пушкина», издаваемых П.В. Анненковым, хотя книга была не свободна от сомнительных для цензуры мест. Твёрдо высказался он за второе издание «Записок охотника» И.С. Тургенева (против чего также были возражения в цензурных инстанциях); остался при особом мнении, когда в Совете встал вопрос о запрещении пьесы А.Ф. Писемского «Поручик Гладков», поскольку считал, что эта талантливая историческая пьеса могла бы украсить репертуар русского театра. Он ратовал за издание полного собрания сочинений Лермонтова с одобрением в печать и тех мест, что прежде были исключены цензурой. Оправдывая необходимость сохранить

их и снять всякие цензурные ограничения, Гончаров ссылается на то, что в эстетически совершенном творении любой предмет получает истинное освещение, принадлежит ли он к высшим, надмирным сферам или же к обыденным сторонам жизни.

Познакомившись с отзывами Гончарова о драматических произведениях, известный историк русского театра Н.В. Дризен писал: «...выступление его {Гончарова} в роли цензора было новым словом в практике цензурного ведомства. Никто так авторитетно до сих пор не осуждал прежние порядки, никто не противопоставлял им человеческое, а главное, жизненное отношение к делу».

Издание в 2014 году 10 тома Полного собрания сочинений И.А. Гончарова, где опубликована значительная часть его цензорских отзывов, мнений и аналитических записок, позволит учёным восстановить детали деятельности Гончарова на посту цензора и в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания. Эти документы помогут осмыслить суждения писателя о литературе и журналистике, науке и политике, понять логику его поведения в значимый и ответственный период жизни – в пору завершения «Обломова», работы над «Обрывом». Составитель этого тома В.А. Котельников подчеркнул во вступительной статье: «Было бы небесполезным сегодня заново поставить вопрос о внутренних

мотивах цензорских суждений и приговоров Гончарова и под новым углом зрения пересмотреть как опубликованный, так и остающийся в архивах документальный материал». Там же он сформулировал общее впечатление от знакомства с цензорскими отзывами писателя: «Кстати будет заметить, что по форме своей, по безупречному, чистому языку гончаровские отзывы, не переставая быть официальными документами, принадлежат скорее литературе, чем канцелярской письменности. Всегда отличавшийся стильным тактом, Гончаров в составляемых им отчётах и рапортах умел быть и дельным, и кратким, и ясным, не утрачивая при этом личного взгляда, живых человеческих интонаций и даже некоторого изящества изложения».

В настоящей статье предлагается читателям познакомиться с некоторыми цензорскими отзывами Гончарова относительно писателей-симбирян. Это позволит не только добавить дополнительные штрихи к портрету автора «Обломова», но и понять уровень интересов и художественных запросов литературного Симбирска середины XIX века, отметить активное присутствие уроженцев Симбирска в общероссийском литературном процессе.

Вскоре после того как Гончаров приступил к исполнению обязанностей цензора Петербургского цензурного комитета, ему пришлось цензурировать «*Полное собрание стихотворений Н.М. Языкова*». Из рапорта Гончарова от 30 ноября 1856 года мы узнаём, что в Петербургский цензурный комитет были представлены две печатные и одна рукописная книги стихов поэта: «Что касается до напечатанных и уже всем известных стихотворений Языкова, то хотя некоторые из них могли бы в цензурном отношении показаться сомнительными, как, например, «*Элегия*» (Блажен, кто мог на ложе ночи), воспевающая голую чувственность, равно как в стихах по случаю открытия памятника Карамзину, где есть несколько слишком резких выражений об Иоанне IV; ... но как все эти сочинения были уже напечатаны и никакого дурного впечатления на публику не произвели, а теперь и подавно произвести не могут, то я полагаю просить разрешения Главного управления цензуры одобрить их все в печать без изменения...».

Особо в рапорте Гончаров выделяет рукописную книгу с ранее не публиковавшимися десятью стихотворениями и поэмой «*Липы*». Печатание этих

произведений он представляет «на благоусмотрение Цензурного комитета», так как «попадают местами стихи слишком смелые, как, например, в послании к *** (Кому достанется она...) и к Н.Д. Киселёву (Послание будущих веков!..), или же исполненные эротической вольности до цинизма, например, в другом послании к Н.Д. Киселёву (Я знаю, друг, и в шуме света...)». Здесь же в рапорте согласно правилу Гончаров даёт краткое содержание поэмы «*Липы*»: «В повести «*Липы*» рассказано предание о том, как правительнице столицы какого-то Бузанского пашалыка князю Хрулёву поручено было устроить в 8 дней бульвар. Исполняя это приказание, полиция насильно вывозит липы из садов обывателей, между прочим, из сада одного немца, жена которого, лишась любимого сада, умирает с горя».

Н.М. Языков

К сожалению, известные нам документы не позволяют проследить цензурное прохождение предполагавшегося «*Полного собрания сочинений Н.М. Языкова*». Это издание в полной мере не было реализовано. Не сохранилась и переписка писателя со старшим братом Николаем Александровичем Гончаровым, поддерживавшем дружеские отношения с жившими в Симбирске братьями поэта – Петром и Александром Михайловичами Языковыми, в которой могли обсуждаться проблемы этого издания. В 1858 году в сокращённом виде вышел двухтомник «*Н.М. Языков. Стихотворения*» за подписью цензора Гончарова.

Перелистывая страницы этих книг, мы видим, что многие стихи напечатаны с исключением отдельных строк. Не вошла в это издание и поэма

«*Липы*». Написанная в 1846 году, она была запрещена к печати Московским цензурным комитетом. Видимо, поэму не пропустил и Петербургский цензурный комитет, она была впервые опубликована в 1859 году в издававшемся М.П. Погодиным в Москве литературном сборнике «*Утро*».

В мае 1856 года Гончаров цензурует книгу ещё одного писателя-симбирянина Д.И. Минаева «*Тысячелетие Руси в русских народных сказаниях*». В своём рапорте он отметил следующее: «Автор предпринял изобразить частный быт славян и русских с древнейших времён посредством народных преданий, поверьев, пословиц и песен. Между прочим он упоминает о том, как некоторые языческие поверья, со введением христианской религии, заменились другими, заимствованными из православия; по принятому в Комитете правилу казалось бы нужным препроводить рукопись на рассмотрение духовной цензуры». Немного позже Гончаров дал не сопровождавшееся отзывом разрешение на выпуск второй части этой книги. Обе части были изданы двумя брошюрами в Симбирске в 1857 году. Продолжение книги осталось в рукописи и сейчас хранится в РГАЛИ.

Составленный Д.И. Минаевым сборник народных песен, пословиц, преданий стал частью общего интереса к фольклору, характерного для русского общества первой половины и середины XIX века. Это время активной деятельности таких выдающихся собирателей фольклора, как П.В. Киреевский, братья Языковы, В.И. Даль. Параллельно с собиранием шёл процесс осмысления народного творчества, вырабатывалась методика использования фольклорного материала как части исторической науки.

И.А. Гончаров как человек своего времени также не избежал интереса к истории народного творчества. Правда, в своих произведениях он не касался этой темы, за исключением романа «*Обломов*». В знаменитой главе «*Сон Обломова*» автор с поразительной художественной яркостью показал влияние сказок, былин, преданий на формирование сознания и мировоззрения человека. Няня Илюши Обломова «...с простотою и добродушием Гомера, с тою же животрепещущею верною и подробностью и рельефностью картин валагала в детскую память и воображение Илиаду русской жизни, созданную нашими гомеридами...», – отмечал Гончаров в романе.

Знакомство с цензурской деятельностью писателя позволяет судить об одной малознакомой нам стороне его воззрений: об отношении к прошлому России и к попыткам современной ему науки и литературы это прошлое изучать. Известны высказывания Гончарова в пользу переиздания романов Лажечникова, отзывы о произведениях русской исторической драматургии. Он искренне радуется каждому успеху в этом роде, энергично поддерживает исторические пьесы А.Н. Островского, А.К. Толстого, А.Ф. Писемского, по возможности устраняя цензурные препятствия к их постановке. Такую же поддержку находят у Гончарова и авторы специальных исторических трудов в своём стремлении к подробному и всестороннему освещению отечественной истории. Глубоко сочувствуя этому стремлению, Гончаров убеждён, что «учёным деятелям, более, нежели кому-нибудь, должна быть предоставлена свобода печатных рассуждений и прений».

В период службы в Совете министра внутренних дел по делам книгопечатания Иван Александрович Гончаров должен был составлять аналитические отчёты о состоянии и направлении периодических изданий и журналов. Также он принимал участие в разборе спорных вопросов, возникших при цензурном прохождении той или иной публикации.

В этот период в поле зрения И.А. Гончарова попала повесть Валериана Назарьева «Живые покойники». С.С. Дудышкин, соиздатель и фактический редактор журнала «Отечественные записки», обратился в Совет с письмом, содержащим просьбу о разрешении в печать названной повести без предложенных цензурных изменений. В феврале 1864 года Гончаров высказал своё мнение об этой повести: «Согласно с мнением А.В. Никитенко, рассматривавшего эту повесть, я также, со своей стороны, нахожу, что она может быть дозволена к помещению в журнале, за исключением или изменением некоторых мест, где есть довольно резкие выражения, направленные против дворянства, высшего класса; также следовало бы смягчить отчасти описание беспорядков, происшедших при объявлении «Положения» 19 февраля, и недостатка патриотизма в дворянах во время Крымской кампании, намешки над патриотическими статьями и тому подобные места, большею частью отмеченные А.В. Никитенко карандашом в самой статье...».

В повести излагалась история отставного штабс-капитана Николая Алексеевича Баскакова, который после смерти отца, «помещика средней руки», поселился в имении и в конце концов погрузился в такое же бессмысленное существование, какое вели отец и соседние помещики. Обвиняя его в этом, некий заезжий «агитатор» называет Баскакова «живым покойником», отчего у того случается удар и он умирает. Повесть была опубликована в № 2 журнала «Отечественные записки» за 1864 год.

В.Н. Назарьев

С июля 1863-го по декабрь 1865 года, до прекращения издания, Гончаров как член Совета наблюдал за издававшейся И.С. Аксаковым, сыном писателя С.Т. Аксакова, известным славянофилом, газетой «День», давая оценку и отдельным материалам, и её направлению. Отзывы И.А. Гончарова о газете «День» представляют немалый интерес, так как в них проявляется интерес писателя к злободневным событиям, происходившим в разных сферах административной и общественной жизни. Отметим также один приём, которым Гончаров неоднократно пользовался (в частности, по отношению к журналу «Современник») для отвода возможных карательных мер, когда они были, по его мнению, несправедливы или неуместны. Приём этот – указание в отзывах на «незначительность», отсутствие веса в публике и вытекающую из того «безвредность» издания.

Отношение Гончарова к славянофильству было непростым. Не разделяя взглядов газеты на допетровскую Русь и на роль Петра в развитии страны, он явно сочувствовал патриотическим устремлениям редакции, её призывам упрочить национальные начала

в общественном устройстве, в культуре. Об этом нетрудно догадаться по разрозненным замечаниям, по тону, а иногда – по форме изложения, когда, скажем, Гончаров в своём анализе оставляет ту или иную публикацию газеты без всякого комментария, выражая умолчанием известную солидарность с позицией автора. Так, например, заканчивается отзыв о статье «Письма из отечества», опубликованной в № 16 за 1864 год. Автором статьи был И.С. Аксаков. Передав приводимый в статье факт, а именно, что ученики одного заведения объявили себя нигилистами и признались, что говеют только по приказанию, вследствие чего священник не допустил их до причастия Святых Тайн, Гончаров заключает отзыв выводом автора статьи: «Попытка создать официальную религию путём принуждения может только породить вредное отношение к церкви». За выводом непосредственно следует подпись Гончарова и это воспринимается как разделяемое им мнение.

Когда Гончаров не может не признать правоту газеты в её указаниях на неустройство и неблагополучие русской жизни, единомыслие Гончарова выражается более определённо. В доказательство такой позиции писателя можно привести его отзыв по поводу передовой статьи пятого номера газеты «День» за 1865 год. Автором передовой статьи обычно был редактор, т. е. И.С. Аксаков. В указанной статье Аксаков развивал свои излюбленные положения о губительном господстве в России отвлечённых теорий над живой жизнью, о том, что «государственный элемент» умертвит всё живое, если вторгнется во внутреннюю народную жизнь, т. е. в дела церкви, совести. Автором даже само общество упрекалось в бюрократизме, в «казённости, щеголяющей как в государственном, так и в общественном мундире». Изложив аксаковский взгляд на состояние России, Гончаров не без внутренней грусти резюмирует: «Может быть, кое в чём из этого кроется своя доля правды...». В связи с этим уместно напомнить, что Гончаров и в письмах, и в некоторых очерках, написанных в последние годы жизни, открыто выражал беспокойство по поводу распространения отвлечённых теорий. Так, например, он писал: «Не кажется ли оно так отсюда, из наших столичных кабинетов, что свет лампы авторов статей, разливающих болейший круг света в комнате, разливаает его и по всей просторной России...».

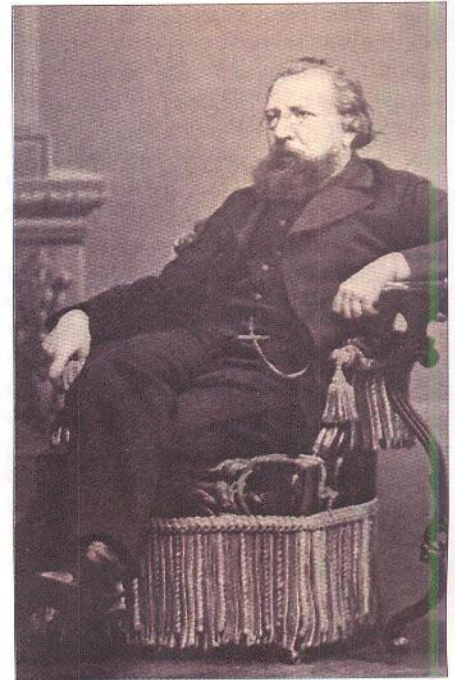
Отзыв о 42-м номере «Дня» (составленный 28 октября 1863 года) отчётливо показывает, насколько глубоко, при всей внешней сдержанности, переживал Гончаров драму русско-польских отношений (польское восстание началось в январе 1863 года и продолжалось до осени 1864-го). С проблемой взаимоотношения России и Польши Гончаров столкнулся, будучи ещё совсем молодым человеком, в годы службы в Департаменте внешней торговли. В 1836–1840-е годы ему приходилось работать в Департаменте с документами об установлении новых таможенных правил между Россией и Польшей. Согласно установленному требованию, в начале отзыва Гончаров кратко излагает содержание аксаковской статьи из 42-го номера газеты: «... автор <...> говорит, что у нас ... недостаток твёрдой воли и убеждений ошутительны во всех классах общества, также и в народе, который в совокупности своей представляет много прекрасных свойств, но в отдельных личностях обнаруживает слабость, шаткость воли, рыхлость характера и т. д. ... В подкрепление своего мнения автор прибегает к примерам, сравнениям, говоря, что у нас нет таких людей, как Гарибальди, как де Мезон (просветивший ногайцев), и, между прочим, приводит весьма неудачно как пример, достойный подражания, – польский патриотизм!..»

Задетый за живое аксаковскими выпадами в адрес соотечественников и его нелестными сопоставлениями, писатель с редкой для его служебного стиля прямой и экспрессией обнаруживает свои взгляды и настроения той поры: «Странно встретить подобное мнение в русском журнале в настоящее время! ... если автору пришла охота сослаться на поляков, то он мог бы ещё назвать их действия настойчивостью, но уже никак не патриотизмом, даже с их точки зрения. Где польские патриоты? Они составляют незначительное меньшинство, робко прячутся и с тоской ждут конца террора и мятежа. Большинство, действующая партия состоит, с одной стороны, из коноводов, двигателей мятежа, которые, удаляясь от театра борьбы, ссорятся между собой за права личного первенства и значения, а с другой – из толпы наёмной, подкупленной сволочи, пролетариев, вешателей, грабителей и т. д. Теперь уже ни для кого не тайна, где кроется начало и причины восстания, кто его руководители и проч. С кого же нам брать пример? <...>».

В отзыве о 19-м номере «Дня» за 1865 год (датируется 12 мая 1865 года) примечательна оценка, данная Гончаровым статье «Заметка бывшего акцизного чиновника». Он отметил, что в статье «предлагается ни более ни менее как отмена всей нынешней винной акцизной системы, которая, по мнению автора, имеет очевидное сродство с откупом, развращая народ пьянством... В экономическом же отношении она выгодна только для казны и вредна для развития промышленности, мешая сбыту русского спирта за границу. Автор предлагает другую систему, основанную на разложении пошлин на все питейные округа, сообразно доходам каждого, с тем, чтобы сбор пошлин производился казначействами, а затем вся питейная администрация, стоящая казне до 6 миллионов в год, как ненужная, может быть уничтожена. Принимая в соображение нравственную и экономическую сторону статьи, нельзя не отдать полной справедливости благонамеренности автора, но, с другой стороны, статья, порицая действующее законоположение по важной части государственного дохода, нарушает цензурные правила. Что касается лично до моего мнения, то я полагал бы возможным оставить ... статью без замечания, подобно как оставлены были многие, в том же роде, появившиеся и прежде в газете «День» и не производившие никакого заметного влияния на публику, по причине, конечно, всем известного исключительного, иногда эксцентричного направления и образа мыслей этой газеты, немногими разделяемого».

В этом отзыве отмечена несомненная благонамеренность автора, одобрены нравственная и экономическая стороны статьи, одновременно указано, что она идёт вразрез с цензурными требованиями, и, наконец, предложено оставить её без последствий, поскольку прежние подобные статьи не оказывали заметного влияния на публику.

Казалось бы, есть все основания говорить о неопределённости, уклончивости позиции цензора, что и делали нередко исследователи. А ведь за всеми официальными соображениями и доводами в отзыве нельзя не увидеть, что Гончаров всё-таки разделяет осуждение автором уродливой акцизной системы, поддерживает мысль упразднить развращающую народ «питейную администрацию» и хочет, чтобы критика эта стала достоянием

И.С. Аксаков

публики. Иначе не подчёркивал бы он столь важной для него нравственной стороны этой экономической по содержанию статьи, не стал бы столь обстоятельно доказывать, почему её нужно оставить без замечания.

И.А. Гончаров к цензуре относился по меньшей мере двойственно. Он прекрасно видел, что не всегда можно соблюсти баланс между официальными требованиями к цензуре и собственным мнением. О многом говорит и вырвавшееся в исповедальном очерке «Необыкновенная история» признание: «...я служил по необходимости (да ещё потом цензором, Господи прости!)».

И всё же, приведённые выше документы свидетельствуют о стремлении Гончарова оставаться в своей цензурской деятельности максимально честным и принципиальным. И.И. Ясинский в «Романе моей жизни» вполне правдоподобно передаёт слова Гончарова: «Знаете, чем я стяжал себе репутацию сурового цензора? Борьбою с глупостью. Умных авторов я пропускал без спора, но дуракам при мне дорога в литературу была закрыта... Да, я сам против цензуры, я не сторонник произвола, я литератор pursuing (чистокровный – фр.). Но надо беречь литературу от вторжения глупости».

Антонина Лобкарёва,
старший научный сотрудник
Историко-мемориального
центра – музея И.А. Гончарова